

ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Старостенко В.В.
(Могилев, Беларусь)*

Особое место в истории белорусского народа, его самосознания, формирования идеи славянского духовного единения занимает период Киевской Руси, когда формировались социальная структура феодального общества, его государственность, культура, мировоззрение, возникли города, правовые нормы, литературный язык. Время это связало восточных славян, а на северо-западе и литовцев общностью политической, культурной, религиозной жизни, способствовало появлению и развитию понятия единства Руси [1, с. 401–404] и одновременно создавало предпосылки становлению национальных культур Украины, Беларуси, России.

Важным этно- и культурообразующим, консолидирующим фактором для всех восточных славян стало распространение христианства, что отчетливо отражено уже в выдающемся произведении древнерусской философской мысли – «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Автор повествует о том, как «Благодать (Евангелие. – В.С.) и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась, и на наш народ русский». [2, с. 29] «Русин» Иларион горд мощью и славою своей земли, своих предков, которые «мужеством и храбростью прославились в странах многих, и победами, и крепостью поминаются ныне и прославляются. Ибо не в худой и не-

ведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слыши-ма всеми четырьмя концами земли». [2, с. 73] «Слово» преисполнено веры в процветание, великую будущность «русской земли», что связывалось философом с утверждением христианства, в произведении утверждается равенство «народа русского» среди других христианско-цивилизированных народов. [2, с. 105]

Важную консолидирующую и культуросозидающую роль христианства, с которым на Русь приходит грамота, книги, новое мировоззрение, признает «Повесть временных лет». Мировоззренческую и одновременно политическую окрашенность приобретает в летописи повествование о Борисе и Глебе. Их смерть трактуется как образец христианского поведения, самопожертвование с целью искупить грехи братьев и погасить братоубийственную войну. Создается культ Бориса и Глеба, память святых строились храмы во многих русских, украинских и белорусских городах – Пскове, Ростове, Рязани, Чернигове, Гродно, Полоцке и др.

Наряду с социально-экономическими, политическими, культурными, языковыми и прочими процессами консолидации (замедлившимися в XII и утраченными в XIII в.) на территории Киевской Руси действовали и противоположные тенденции – зарождения и развития регионально-этнических особенностей и специфики. Процесс дифференциации активизировался со второй половины XI–XIII вв. Полоцкое княжество в силу более динамичного социально-экономического развития и в условиях фактического исключения династической линии полоцких князей из системы общерусского престолонаследования первым вступило на путь самостоятельности, надолго став основным политическим соперником Киева. Борьба за политическое преобладание с князьями других «русских земель» становится основным содержанием политической истории Полотчины. Такого рода поведение было свойственно и другим белорусским княжествам. Наибольший накал межкняжеской борьбы связан с именем Всесла-

ва Брючиславовича, совершавшего походы на Псков, Новгород, Смоленск (1065, 1066, 1078 гг.), в ответ на которые Ярославичи ходили на Полоцкое княжество (1067, 1069, 1078, 1085 гг.). Однако важно отметить, что межкняжеская борьба не должна абсолютизироваться. Княжеские усобицы вовсе не означали стремления к окончательному обособлению от остальной Руси. Порой они преследовали цель возглавить «общерусский (общевосточнославянский) процесс». Полоцкая земля, по мнению Л.В. Алексева, несмотря на черты обособленности, «никогда не порывала экономических и культурных связей с Киевской Русью», а этническое самосознание населения Полотчины прочно тяготело к землям всей Руси, с которыми ее связывали общность территории, экономической жизни, языка и культуры. [3, с. 291]

Несмотря на все противоречия между князьями, землями и уделами Древнерусского государства, в этническом самосознании жила идея общности, единства Руси. Заметим в связи с этим, что упоминавшийся Всеслав Полоцкий не был чужим для киевлян, которые в 1068 г. освободили из темницы и «прославили его среди двора княжеского. [4, с. 315] Занимая киевский престол (1068–1069 гг.), он «людям суд правил, князьям города рядил» [5, с. 73], в «общерусских» целях совершил поход в Тмутаракань. [6, с. 95, 97; 5, с. 73] Ранее, в 1060 г. Всеслав с киевским, черниговским и переяславским князьями ходил на степняков – «торков». [4, с. 309]

Показателем этнического самосознания восточнославянского суперэтноса служат весьма широко употребляемые во всем дошедшем до нас комплексе древнерусской литературы понятия «Русь», «Русская земля», «русичи», «русые», «русины», «росы» и т.п. Первоначально эти понятия возникли в Среднем Поднепровье, регионе Киев-Чернигов-Переяславль, и по мере расширения владений Киевской Руси распространяются на весь восточнославянский территориально-этнический массив. Так, под 907 год «Повесть временных лет» называет «русским городом». «Полотск» [4, с. 221] «Слово о полку

Игоре» всех погибших на Немиге в 1067 г., в том числе дружину Всеслава Чародея, считает «русскими сынами». [5, с. 73]

Ситуация раздробленности, княжеских межусобиц стимулировала патриотические чувства. Патриотическим содержанием наполнена «Повесть временных лет», ярким памятником восточнославянского этнического самосознания является «Слово о полку Игоре». Переживая за будущее родной земли, автор обращается ко всем «русским князьям», и, прежде всего, к киевским и полоцким, с призывом одуматься, прекратить межусобную вражду: «Ярослава все внуки и Всеслава! Склоните стяги свои, вложите в ножны свои мечи поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую...!». [5, с. 72]

Несмотря на прогрессирующую децентрализацию Киевской Руси в XII–XIII вв., название «Русь» сохранилось почти за всеми восточнославянскими землями. В этот же период локально-территориальные земляческие, городские этники («полочане», «туровцы», «смоляне», «волыняне», «витебляне», «берестяне», «меняне» и т.п.) объединялись общим этнонимом «русы» («русичи», «русские», «русины», «русь»). [7, с. 52–53] Осознание принадлежности к «Руси», «Русской земле», «русской вере», «русскому языку», использование этих и подобных понятий фиксируется в памятниках отечественной общественно-философской, политической, правовой мысли и на протяжении ряда последующих веков. [8, с. 106–119]

Литература и источники

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха Сярэднявечча / В.Б.Евароўскі [і інш.]; рэдкал.: В.Б.Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 574 с.

2. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. – Москва : Столица; Скрипторий, 1994. – 146 с.

3. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – Москва : Наука, 1966. – 296 с.
4. Повесть временных лет. – Москва – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Ч. 1: Текст и перевод. – 406 с.
5. Слово о полку Игореве / Вступ. статья и подготовка древнерус. текста Д.Лихачева; Сост. и коммент. Л.Дмитриева. – Москва : Худ. лит., 1985. – 222 с.
6. Рыбаков, Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 361 с.
7. Этнографія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя / В.К.Бандарчык, І.У.Чаквін, І.Г.Углік і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 215 с.
8. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Пратарэнсанс і Адраджэнне / С.І. Саныко [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 840 с.